

УДК 821.161.1-31 ББК Ш33(2Рос=Рус)5-444

Е. Ю. Шер
Екатеринбург, Россия

**«Я СЫН СВОЕГО ВЕКА»: ТРАГЕДИЯ «ГЕРОЯ ВРЕМЕНИ»
В РОМАНТИЧЕСКОМ РОМАНЕ В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА
«ПОСЛЕДНИЙ КОЛОННА»**

Аннотация. В статье рассматривается проблема «героя времени» в романтическом романе В. К. Кюхельбекера «Последний Колонна».

Ключевые слова: Кюхельбекер, Лермонтов, «Последний Колонна», «Герой нашего времени», свобода воли, герой времени.

Е. Yu. Sher
Yekaterinburg, Russia

**«I AM THE SON OF THE CENTURY»:
THE TRAGEDY OF THE «HERO OF TIME»
IN A ROMANTIC NOVEL V.K. KUCHELBECKER «LAST COLONNA»**

Abstract. The article considers the problem of «hero of time» in a romantic novel V. K. Kuchelbecker «Last Colonna».

Keywords: Kuchelbecker, Lermontov, «Last Colonna», «Hero of our time», freedom of will, hero time.

Стараясь «узнать ... душу человеческую», В.К. Кюхельбекер в «Последнем Колонне» поднимает вечные философские вопросы и важнейший из них – о «сущности человеческой свободы» и ее границах. И если в I части романа на первый план выходит идея неумолимой силы рока и торжества фатума, то во II части герой Кюхельбекера оказывается перед дилеммой: личная воля или судьба.

Известно, что проблема свободной воли личности крайне интересовала М.Ю. Лермонтова – автора «Героя нашего времени». Образ его «героя времени» не может быть понят вне контекста философских исканий эпохи 30-х годов XIX века, актуализировавшей такие вопросы, как человек и судьба, человек и его назначение, цель и смысл человеческой жизни, возможности человеческой личности, свобода воли и необходимость. Так, Печорин мучительно размышляет над вопросами: «...Зачем я жил? для какой цели я родился?.. А верно она существовала, и верно было мне назначенье высокое ... Но я не угадал этого назначенья» [Кюхельбекер 1979: 321]. В ««Вадиме»» Лермонтова (1833–1834) главный герой говорит: «...что может противостоять твердой воле человека? воля заключает в себе всю душу ... *воля есть нравственная сила каждого существа, свободное стремление к созданию или разрушению чего-нибудь*, отпечаток божества, творческая власть, которая из ничего созидает чудеса...» [Лермонтов 1957: 94]. Обожествление личной воли свойственно и Печорину: «Сам я больше не способен безумствовать под влиянием страсти; честолюбие у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось в другом виде, ибо честолюбие есть не что иное, как жажда власти, а первое мое удовольствие – подчинять моей воле все, что меня окружает...» [Кюхельбекер 1979: 294]. Но стремление Печорина к свобо-

де, которой он, по собственному признанию, так дорожит («Я готов на все жертвы, кроме этой; двадцать раз жизнь свою, даже честь поставлю на карту ... но свободы моей не продам»), в сущности, оборачивается самой большой трагедией героя: он попросту не знает, что с ней делать: «Отчего я так дорожу ею? что мне в ней?.. куда я себя так готовлю? чего я жду от будущего?.. Право, ровно ничего» [Кюхельбекер 1979: 314].

Поисками ответов на те же философские вопросы занят и герой Кюхельбекера, мучительно переживающий необходимость совершить свой свободный выбор, ведущий к трагическим последствиям (в любом своем исходе) для самого Колонны.

Но если для автора «Героя нашего времени» важен не столько «правильный» ответ, сколько «правильная» постановка вопроса и предлагаются («Фаталист») разные варианты его решения (в итоге же философский вопрос – свобода воли и предопределение, ставший центральным для лермонтовского романа, так и остается неразрешенным, что побуждает читателя к размышлениям), то Кюхельбекер, напротив, стремится дать четкий, определенный ответ, убедительно его обосновав.

Человеческие слабости и пороки, по убеждению В.К. Кюхельбекера, в самом человеке, а не предопределены свыше. Следовательно, не сила рока, не мудрость предопределения, а личная воля человека, утверждает писатель, вершат его судьбу: «Воля творит, производит, есть причина действий мыслящего существа» [Кюхельбекер 1979: 108].

Поскольку свобода воли в представлении Колонны – «драгоценнейшая принадлежность человека» [Кюхельбекер 1979: 550], то предопределенность судьбы человеческой связана, по Кюхельбекеру, в первую очередь, с отсутствием свободы выбора.

В своем письме к Филиппо Малатеста (еще в I части романа) Колонна, осознавая свою исключительность, избранность, с горечью признается: «Чувствую, сколь мало еще у меня прав *говорить таким языком*: мне 24 года, а еще я ничего не сделал для бессмертия» [Кюхельбекер 1979: 528]. Здесь, по справедливому наблюдению Н.В. Королевой, налицо явная, хотя и не совсем точная, цитата из драматической поэмы Ф. Шиллера «Дон Карлос»:

Но вспомните: мне двадцать третий год,
А что успел я сделать для бессмертья?
[Шиллер 1955: 58]

Зададимся вопросом, зачем Кюхельбекер акцентирует на этом «заимствовании» наше читательское внимание, с какой целью стремится вызвать в нашей памяти образ воспетого Шиллером испанского инфанта? Колонна, соотнося себя с Доном Карлосом, словно ощущая свое равенство с ним в праве на бессмертие в памяти потомков, буквально присваивает себе его слова. Нам представляется данный момент далеко не случайным и чрезвычайно важным в художественной структуре романа в целом и в понимании образа Колонны в частности.

Героев Кюхельбекера и Шиллера, в первую очередь, объединяет терзающий их душу конфликт, сходный в своей основе: между долгом и любовью (Дон Карлос), честью и страстью (Джиованни Колонна). Дон Карлос, мучительно и страстно влюблен в мачеху, в прошлом – свою невесту, теперь – жену отца. Осознавая всю безнадежность, безвыходность такой «проклятой любви», герой Шиллера словно предрекает единственно возможный для себя (как, впрочем, и для Колонны, любовь которого, по его собственному утверждению, – «погибель без спасения») исход: «О, это путь к безумью иль на казнь!» [Шиллер 1955: 19].

Пылкий по своей натуре («Да, кровь моя пылает»), подверженный сильным, необузданным порывам «злого вожделья», не желающий поначалу их умирять («Мы пред судьбой смиримся?... / ... Карлос не намерен / Покорствовать, где может он желать»), Карлос, тем не менее, находит выход своей всепоглощающей страсти – в служении отечеству:

*Я осознал себя, созрел душою.
Державное призванье часто будит
Меня от грез, как некий кредитор.
А юности растроченные годы
О долге чести мне напоминают.
Настал счастливый и желанный день,
Когда платить высокие проценты
По векселям я должен. Слышу голос
Истории, – и в нем слава гордых предков
И трубный гул восторженной молвы.
Настало время изумить народы
Великим делом. ....
Доселе спал я долгим тяжким сном.
Я вас любил. Теперь я пробудился.
.....
Все минуло. Другой, чистейший пламень
Мне душу опалил. ....
.....*

..... Я узнал
*Высокий чистый жар, который выше,
Чем обладание тобою*

[Шиллер 1955: 58, 39, 58, 270].

Дон Карлос не стремится (как Колонна) погасить «пламя чувства», но хочет дать ему иное направление: «вдохнуть в измученную грудь угасшее было стремление к высокой цели» [Лозинская 1960: 166]. И в этом его главное отличие от Колонны, так и не нашедшего достойной сферы применения своих «необъятных возможностей».

Юрий Пронский, в письме к Владимиру Горичу очень точно характеризует саму потребность Колонны в действии, неверно понимает возможность ее реализации: «Все им движение, деятельность, внешний мир необходимы, чтобы перекричать боль внутреннюю: иначе она б была для них невыносима. – Знаменитое *il dolce far niente*¹ возможно не для страдальца, сына Италии. <...> Деятельность, деятельность – вот лучшее лекарство для моего бедного друга: он недаром итальянец. Жаль, право, что ... нет под рукою какой-нибудь войны: я бы тогда посоветовал ему вступить в ... эскадрон ...» [Кюхельбекер 1979: 549].

Какая именно деятельность способна излечить «мрачную хандру» Колонны? Военное поприще? Или дипломатическая служба, предложенная герою князем Б.?

Чрезвычайно важным для ответа на поставленный вопрос, на наш взгляд, является следующий момент: при разговоре о причинах «тяжелого уныния» «пылкого сына полудня», Пронский неоднократно употребляет местоимение во множественном числе: «*всем им*», «*для них*». Тем самым Пронский включает своего «бедного друга» в некий ряд «сынов века», которым свойственны напряженная душевная жизнь, беспрестанная рефлексия и «невыносимая» «боль внутренняя». К этому типу людей относится, как мы помним, герой лермонтовского романа – Печорин.

Герой с рефлектирующим сознанием – Печорин «все и вся подвергает, по замечанию И.И. Виноградова, разъятию, анализу, пытается проникнуть в самые истоки “добра” и “зла”» [Виноградов 1964: 215]. «Я давно уж живу не сердцем, а головою, – говорит Печорин о себе самом. – Я взвешиваю, разбираю свои собственные страсти и поступки с строгим любопытством, но без участия» [Лермонтов 1957: 324]). По Г.М. Фридендеру, именно эта «непрерывность движения», «внутренняя полемика с самим собой», постоянное единоборство противоположных начал, составляющие самую суть личности Печорина, «делают его “героем времени”, то есть лицом, типичным для своей эпохи» [Фридендер 1965: 39]. Человек, наделенный необыкновенными жизненными силами («Я чувствую в душе моей силы необъятные» [Лермонтов 1957: 321]), жадный до жизни, страдает «не от душевной пустоты, не от своего “характера”, а от невозможности найти действительное применение своим могучим

¹ В пер. с итал.: сладостное безделье.

силам, своим бурным страстям» [Эйхенбаум 1961: 253]. Всю свою энергию он тратит на мелкие, бессмысленные и кажущиеся легкомысленными поступки. Кипучая деятельность его пуста и бесплодна. Время поставило его пред альтернативой: или «решительное бездействие», или «пустая деятельность» (В.Г. Белинский). И в итоге вся его энергия, жажда жизни оказываются не востребуемыми, ненужными.

И при всем том Печорин – не романтический злодей, его «зло» получает жизненную основу. Б.Т. Удодов подчеркивает, что «правда печоринского зла корнями уходит в реальную жизнь, обстоятельства, сформировавшие его характер» [Удодов 1989: 44], сделавшие его «нравственным калекой», одна половина души которого «не существует, высохла, испарилась, умерла» [Лермонтов 1957: 297]. Герой сам страдает от невозможности свободного выбора между добром и злом, от необходимости быть палачом и одновременно орудием в руках судьбы: «Дурные поступки героя романа всегда мотивированы, и, конечно, не только “время” и “общество”, но и сам Печорин несет за них моральную ответственность» [Мануйлов 19714: 225]. Так, Печорин предстает перед нами не носителем демонического зла, поднятым над средой (как это было прежде у романтиков), а порождением своей эпохи, оставляющей без применения «силы необъятные», не нуждающейся в людях подобного типа.

«“Необъятные силы” действительной природы Печорина требовали немедленного выхода и применения, иначе он должен был умереть или сойти с ума», – говорит, перефразируя слова В.Г. Белинского, Б.Т. Удодов [Удодов 1989: 62]. Здесь, по сути, исследователь намечает исход трагической судьбы «героя времени» с «необъятными силами» в «безгеройной» действительности России 30-х годов XIX века. Оба эти варианта находят воплощение в художественных концепциях произведений Лермонтова и Кюхельбекера: не угадавший свое «назначение» Печорин умирает где-то «на дороге» из Персии, Колонна сходит с ума. И там, и тут трагический исход, но выбор участи героя во многом определяет авторское отношение к своим «героям времени»: смерть как желанный для героя конец его медленного мучительного умирания («Герой нашего времени») и саморазрушение личности («Последний Колонна»).

Колонна, как и Печорин, – человек огромной жизненной, творческой энергии. Но если Печорин «бешено гоняется ... за жизнью, ища ее повсюду» [Белинский 1953: 266], если он интересуется людьми и знает людей, потому что всю жизнь ими занимался (это справедливо по отношению к той части жизни лермонтовского героя, когда он ведет свой «Журнал»), то Колонна всю свою энергию направляет только на себя самого, на удовлетворение своего самолюбия, тщеславия.

Итак, Пронский ощущает родство Колонны и «типичных представителей времени», «героев времени» с их «мятущейся» душой и рефлектирующим сознанием. Да и сам Колонна утверждает: «Я сын своего века» [Кюхельбекер 1979: 546]. Следователь-

но, с легкой руки автора, осмысляющего свой роман как роман современный, как роман о герое времени, отвечающий его насущным проблемам, Пронский не просто совершает грамматическую оплошность, а намеренно использует форму множественного числа.

По мнению Е.М. Пульхритудовой, «вступи Колонна “в эскадрон” – его постигла бы участь Печорина» [Пульхритудова 1960: 131]. Но текст романа Кюхельбекера, с нашей точки зрения, не дает основания для подобного утверждения. «Печоринская участь» принципиально невозможна для Колонны: «Он никак бы не мог служить в гренадерах, – говорит о Колонне Victor, слуга Пронского, – я головой его выше» [Кюхельбекер 1979: 526]. За этой наивной фразой слуги читатель, несомненно, почувствует авторскую иронию, скрывающую более глубокий смысл. Кюхельбекер снижает романтический образ Колонны: не случайно герой, претендующий на высочайшую, исключительность, оказывается «росту небольшого», «головой ниже» человека, которого не удостаивает своим вниманием. Снижение происходит и за счет того, что именно слуге, человеку маленькому, но с большим самоощущением, автор поручает дать оценку Колонны («не дорос» он до «гренадеров»), решить, кем бы мог или не мог стать герой.

Вероятно, все же не служба «в эскадроне», не война, не «внешний мир» (как это представляется Пронскому) способны помочь герою, стремящемуся к «бессмертию», «перекричать боль внутреннюю», а, в первую очередь, деятельность по собственному духовному самоопределению².

Колонне, как и лермонтовскому герою, нужно действовать, во что бы то ни стало, но эта деятельность оказывается объективно невозможна. Невостребованное (не только в Италии, но и в России), неоцененное (или оцененное – что еще хуже – приживалкой в генеральском доме, титулярным советником или слугой) творчество не может удовлетворить взыскательную потребность Колонны в самореализации. И потому уделом его становится прегупление и безумие.

ЛИТЕРАТУРА

Белинский В.Г. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 4. С. 193–270.

Виноградов И.И. Философский роман Лермонтова // Новый мир. 1964. № 10. С. 210–231.

Кюхельбекер В.К. Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. – Л.: Наука, 1979.

Лермонтов М.Ю. Вадим // Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: в 6 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 6. С. 5–121.

Лозинская Л.Я. Фридрих Шиллер. – М.: Молодая гвардия, 1960. С. 166.

Мануйлов В.А. Можно ли назвать Печорина сознательным поборником зла? // Проблемы теории и истории

² Ср. у Лермонтова («1831-го июня 11 дня»):

Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал ...

..... и понять

Я не могу, что значит отдыхать.

.....

И все боюсь, что не успею я

Свершить чего-то! ... [Лермонтов 1954: 18]

литературы: сб. статей, посвященных памяти проф. А.Н. Соколова. – М.: Просвещение, 1971. С. 219–225.

Пульхритудов Е.М. «Лермонтовский элемент» в романе В.К. Кюхельбекера «Последний Колонна» // Филологические науки. 1960. № 2. С. 126–138.

Удодов Б.Т. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: книга для учителя. – М.: Просвещение, 1989.

Фридендер Г.М. Лермонтов и русская повествовательная проза // Русская литература. 1965. № 1. С. 33–49.

Шиллер Ф. Дон Карлос. Инфант испанский // Шиллер Ф. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Гослитиздат, 1955. Т. 2. С. 7–272.

Эйхенбаум Б.М. Герой нашего времени // Эйхенбаум Б.М. Статьи о Лермонтове. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 221–288.

Данные об авторах:

Шер Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-кт Космонавтов, 26.

E-mail: e.yu.sher@yandex.ru

About the author:

Sher Elena Yurievna is a Candidate of Philology, Docent of the Department of Russian and Foreign Literature of the Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).